

Традиция духовного странничества, в которой испокон века искали возможность внутреннего обновления, в равной степени была сильна как на Западе, так и на Востоке. И вдохновенные слова, предназначенные русским философом И. А. Ильиным для передачи особого характера русского духа с его тягой к странствиям по «нашим открытым, лёгким, разметавшимся просторам», зовущие «оставить привычное и уйти в необычное, сменить ветхое на обновлённое,

оторваться от каменеющего быта и попытаться прорваться к иному, к светлому и чистому бытию и... вернувшись в своё жилище, обновить, осветлить и его этим новым видением», — слова эти оказываются совершенно созвучными той традиции духовных странствий, которая веками существует на Востоке.

Тяга к «богомолью», паломничеству к святым местам словно заложена в самой природе человека, и её, тягу эту, не сумели погасить ни прагматизм, ни рационализм нашего времени, ни будничная забота о хлебе насущном. Ломая чары обыденного, душа испытывает неодолимую потребность приобщиться к реальности мира духовного, поиски которого зовут в путь...

За священным островом Путо, куда мы отправились вместе с другими паломниками из разных концов Китая, издревле закрепила слава «Царства Буддизма посреди Небес и морских просторов», «самого святого и чистого места на Земле», «места поклонения Гуаньинь – богини Милосердия и Сострадания». Путеводитель по острову Путо расскажет Вам о том, как доплыть до священных берегов в Восточно-Китайском море (весь путь на теплоходе от древнего портового города Нинбо, где когда-то начиналась водная часть Великого Шёлкового Пути, занимает сегодня около пяти часов), сухо перечислит его основные «параметры» (8,6 километра в длину с севера на юг и 3,5 километра в ширину с запада на восток), назовёт главные его достопримечательности, самые знаменитые горные вершины и буддийские храмы... но не в силах будет передать всего очарования этого пространства, пропитанного ароматом душистых трав и моря, богатого разнообразием природных ландшафтов: узких и глубоких каньонов, пещер, скалистых берегов, гор, послуживших приютом для многочисленных буддийских храмов и монастырей. В силу своей изолированности от материка, отрешённости от будничности и бешеной суеты больших городов острову удаётся сохранить атмосферу тишины, умиротворённости, благодати. С первых же мгновений пребывания здесь вы попадаете во власть некоего «присутствия». Приезжающие сюда словно наполняются верой в то, что получают благословение от самой Гуаньинь, чей парящий над островом силуэт, видимый едва ли не со всех концов Путо, внушает чувство защищённости и покоя.

Площадь, где установлена статуя Гуаньинь, – самое высокое и, пожалуй, самое притягательное место на острове. Сегодня вас поднимает сюда фуникулёр, из окна которого Вы с высоты птичьего полёта обозреваете весь остров, его холмистую, в горных складках, красоту. Широкая лестница

возносит вас к пьедесталу Гуаньинь. Вы будете потрясены тончайшей каменной резьбой, покрывающей стену, расположенную по периметру площади: она посвящена различным буддийским мотивам и сюжетам.

Стоящая на высоком гранитном постаменте, огромная тридцати трёх метровая статуя является на сегодняшний день самым крупным скульптурным изображением Гуаньинь в мире. Те, кто побывал на Путо и видел отливающую золотом величавую фигуру, назовут её не только самой крупной, но и самой прекрасной статуей богини Милосердия в мире.

30 октября 1997 года в день, когда состоялось торжество по случаю «открытия» постамента, многие сотни людей оказались свидетелями чуда: день запомнился как пасмурный и облачный, но в те минуты, когда было объявлено о начале церемонии, облака внезапно расступились, образовав своего рода «окно» в небесном пространстве. Солнечный луч, пробившийся через него, оказался направленным прямо на статую, облив её сиянием и светом. Облака же, словно в унисон земным событиям, на глазах у множества потрясённых людей приняли ясное очертание женской фигуры, повторяющей силуэт статуи Гуаньинь. Более двадцати минут продолжалось это удивительное зрелище, рождая в душах людей чувство доверия и приобщённости к мистерии высших миров.

Гуаньинь, как известно, является китайской версией бодхисатвы Авалокитешвары, что в переводе с санскрита означает «Внимающий звукам мира». Исполненный чувства безграничного сострадания ко всем живым существам в мире, давший обет спасти их, бодхисатва наделён способностью внимать призывам всех страждущих – вот в чём смысл его имени. «Даже меч палача разлетится на части, если приговорённый будет взывать к имени бодхисатвы из глубин своего сердца», – сказано языком сутр.

Поразительно, что ни в Индии (где зародился культ Авалокитешвары), ни в Тибете (где он и по сей день остаётся одним из главных божеств буддийского пантеона) не было места трансформации пола. В Китае же образ бодхисатвы (изначально лишённый половой принадлежности) со временем всё больше наделяется женскими чертами, а к IX столетию принимает уже отчётливый облик женского божества. Похоже, огромный смысл заложен в самом факте того, что эмоция беспредельного сострадания нашла воплощение в Китае в образе прекрасной женщины, исполненной мягкой мудрости, нежности, всепрощения.

Само слово «сострадание» в санскритском языке звучит как «*каруна*» и содержит слог «*ру*», означающий «рыдать», «плакать», «оплакивать». Тара, богиня Милосердия в Тибете, столь же прекрасная, сколь и сострадательная, была рождена из слезы Авалокитешвары, когда тот оплакивал страдания мира. Понятие «*каруна*», одно из центральных в буддизме, подразумевает способность проникаться нуждами и болью других людей настолько глубоко, словно бы они являются нашими собственными. Это абсолютная, ничем не обусловленная любовь, идущая от ясного осознания духовного единства всего мира; это такая степень самоотдачи и самопожертвования, на которую способна лишь мать по отношению к своему ребёнку. Одним из символов Гуаньинь является, между прочим, веточка плакучей ивы, названной так благодаря свисающей до земли листве, по которой капли дождя скатываются подобно слезам. Ивовой ветвью, которую часто можно видеть в руках Гуаньинь, бодхисатва стряхивает божественный нектар жизни на взывающих к ней о помощи.

Ещё большей женственностью проникнут образ богини Милосердия в Японии, где её называют Каннон – сокращённое от Кандззон, что, в свою очередь, является смысловым

переводом уже упомянутого нами санскритского имени бодхисатвы – Авалокитешвара – Внимающий звукам мира. Исключительно широкое распространение получает культ Каннон в стране Восходящего Солнца, где образ богини с самого начала сливается в сознании людей с обликом прекрасной женщины, несущей мир и утешение. Ярко выраженное материнское начало этого излюбленного японцами божества, присущих ей милосердных и сострадательных качеств проявляется даже в том, что порой её изображают с младенцем на руках подобно Пресвятой Богородице, или Деве Марии в христианстве. Такие скульптурные изображения Каннон можно встретить и в наши дни, главным образом в сельской местности, в небольших горных храмах, что лишний раз говорит о преломлении традиционных буддийских представлений в народном сознании, о стремлении простых людей приблизить к себе образ милосердного божества, сделать его доступным и достигаемым. К кому, как ни к ней, Заступнице, воплощению просветлённой любви ко всему живому идут в надежде обрести утешение и помощь.

О безграничных возможностях бодхисатвы, о беспредельной активности её милосердия свидетельствует появление многоруких и многоголовых образов. Согласно хорошо известному преданию, Авалокитешвара, наблюдая своими всепроникающими глазами мудрости за этим мятущимся миром, преисполнился такого глубокого сострадания, что от невероятной силы его желания привести существа земли к Освобождению голова раскололась на множество частей (иконографически это выражается одиннадцатью ликами, которые подобно короне, венчают голову богини), а из тела вышла тысяча помогающих рук, подобно ауре ослепительных лучей. На ладони каждой руки появляется глаз, ибо милосердие бодхисатвы – не слепая эмоция и сентиментальность, а

Любовь, неотделимая от Мудрости, вытекающей от осознания тождественности и единства всех существ и способности воспринимать страдания других как собственные.

Образ Гуаньинь пользуется особой популярностью среди адептов буддизма дзэн. Следуя сформировавшемуся за столетия канону и эстетическим принципам дзэнского искусства, китайские и японские художники рисуют, как правило, лишь силуэт божества, применяя так называемую технику «*хакубё-га*» («рисунки белым»), создавая как бы полую, «пустую» внутри фигуру – символ чистоты и озарённого сознания, свободного от любых проявлений эго и самости. Согласно традиции, Гуаньинь (Каннон) изображают сидящей чаще всего на скале или скалистом острове, омываемом со всех сторон морскими водами, откуда она внимательно следит за всем происходящим в мире. Одним из мест, которое отождествляется в представлении верующих с этой легендарной землёй, и является священный остров Путо.

Китайцы, между прочим, всегда предпочитали видеть свои божества в идеализированном человеческом облике. В отличие от Древней Греции, где герои трансформировались в Олимпийских богов, в Китае наблюдается, скорее, обратная картина: если даже божество и не обладало прежде человеческим обликом, его следовало придумать. А потому, подобно простым смертным, китайские божества, наделённые человеческими качествами, имеют дату и место рождения, родословную, титулы... И хотя день рождения Гуаньинь не указан ни в одной из буддийских сутр, он тем не менее широко празднуется в Китае в девятнадцатый день второго месяца по лунному календарю. Место же земного пребывания Гуаньинь – священный остров Путо и окружающее его пространство. И словно бы в подтверждение достоверности этой легенды вам укажут на близлежащий остров Лоджиа, хорошо

обозреваемый с площади Гуаньинь, своим очертанием напоминающий лежащую человеческую фигуру. Кто-то увидит в силуэте острова «спящего Будду», а для кого-то – это образ самой лежащей бодхисатвы, чьё присутствие на острове кажется зримым и убедительным.

Древние монастыри и храмы, история которых уходит вглубь столетий, хранят множество преданий и легенд. Одна из них повествует, например, о статуе богини Миросердия, получившей название «Гуаньинь, не пожелавшая покидать

страну». В «Хрониках острова Путо» эта легенда рассказывается так: *в 4-й год правления императора Сианьтуна во времена Танской династии (863 г.) японский монах Ху прибыл в Поднебесную с целью увезти с собой на родину знаменитую статую Гуаньинь с горы Утай. Его корабль с драгоценной ношей уже отчалил от берега, когда внезапно недалеко от острова Путо начался шторм такой силы, что монах вынужден был прервать своё плавание и причалить к берегам священного острова. Увидев в случившемся знак того, что статуя Гуаньинь не желает покидать пределы своей страны и уезжать в далёкую Японию, Ху оставил статую в одном из монастырей Путо.*

Позднее, во времена династии Цинь (1644–1911), один из поэтов того времени, очарованный красотой и неповторимой атмосферой благословенного острова, выразил своё восхищение в поэтических строках: «Чудесная гора (Путо)

столь высока, что проникает в самые пределы Небес; сама бодхисатва Гуаньинь, покорённая красотой и величием этого места, не пожелала покидать его». В память об этой легенде уже в XX столетии здесь, у самого скалистого берега острова, был основан буддийский храм.

Остров Путо одухотворён бесчисленными сюжетами из прошлого его монастырей, храмов, буддийских святынь, богат легендами, связанными с его природными тайнами: пещерами, гротами, мегалитами... Свою историю расскажут Вам даже скалистые берега и глыбы камней, причудливо-интригующие силуэты которых вот уже много столетий не перестают поражать воображение настроенных на «чудо» паломников, с готовностью наделяющих удивительных форм скалы жизнью и душой, историей и своей собственной судьбой.

Мало кто из посетителей острова откажется, например, подняться к вершине горы Панто к огромным мегалитам, своими выразительными очертаниями напоминающими двух черепах, словно оцепеневших в повиновении чьей-то воле. Согласно легенде, которую вам непременно расскажут, Гуаньинь имела обыкновение читать проповедь на этой горе острова так вдохновенно, что не оставляла равнодушными даже рыб и китов, подплывавших сюда послушать бодхисатву. Две черепахи были знатными особами в своём подводном царстве. Но вот однажды ночью и они, не удержавшись, подплыли ближе к месту проповеди. Заслушавшись, однако, речей богини, они забыли о времени и, упустив момент, когда можно было вернуться назад в море, с восходом солнца превратились в камень. В 80-е годы XX столетия, между прочим, геологи обнаружили окаменелые ракушки в структуре обеих «каменных черепах» словно в доказательство действительно морского происхождения мегалитов. Факт, придавший легенде ещё большее очарование и загадочности.